

ВЕРЬ В ТВЕРЬ

НЭЛЯ ЛАРИОНОВНА ПЕРВАКОВА - 70
ИГНАТ ПЕРВАКОВ – 30
АНЯ (АННА ВЛАДИМИРОВНА) – 30
МАША - 18
ЛЁША ОСТРОУМОВ – 30
ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ОСТРОУМОВ – 70
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ СПИРИДОНОВ – 50
ЛИЗА СПИРИДОНОВА – 25
НИКИТА СПИРИДОНОВ – 16
МИНИСТР (МИХАЛ МИХАЛЫЧ) – 70
БОМЖ (ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ) – неопределенного возраста
ИВАНОВА – 16
ЕЛЕНА СПИРИДОНОВА – 50.

1.

Актовый зал школы, на сцене – хор, составленный из старшеклассниц, наряженных в русские народные сарафаны и кокошники, на стульчике рядом сидит Никита. Педагогом по вокалу выступает Аня – она как дирижёр маячит перед хором, посылая сигналы даже бровями. В зале на первом ряду восседает директор школы Нэля Ларионовна, на заднем ряду спряталась Маша. Маша не обращает внимания ни на что, кроме своего смартфона, на ней наушники. Аня делает знак Никите – он начинает фальшиво играть на балалайке.

АНЯ. Никита!

НИКИТА. Я говорил, Анна Владимировна, на балалайке не умею.

АНЯ. Никита!

Никита начинает играть, на этот раз более стройно.

ХОР (*поёт*). Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Люли-люли, стояла,
Люли-люли, стояла,
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Люли-люли, заломати,
Люли-люли, заломати,
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заломаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку;
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я старого будити:
«Встань ты, мой старый, проснися,
Борода седая, пробудися!

Вот тебе помои, умойся!
Вот тебе рогожка, утрися!
Вот тебе лопата, помолися!
Вот тебе борона, расчешися!
Вот тебе лапотки, обуйся!
Вот тебе шубенка, оденься!
НЭЛЯ. Стоп-стоп-стоп, товарищи! Это вы чё за песню поёте?
АНЯ. «Во поле береза стояла».
НЭЛЯ. Слова переписали что ли?
АНЯ. Да нет, оригинальные слова.
НЭЛЯ. Вижу, что оригинальные – уж такие, прям, оригинальные! Как это – вот тебе помои, умойся, - это она кому говорит?
АНЯ. Лирическая героиня? Скорее всего, мужу своему. Старому мужу.
НЭЛЯ. Там же как-то по-другому было. (*поёт слабым голосом*) «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, люли-люли стояла...» как там? Не помню слова. Где ты взяла такое?
АНЯ. Из сборника русских песен, составитель Вера Васильевна Варганова.
НЭЛЯ. Варганова? Это в Ленинграде Варгановское балетное училище?
АНЯ. Нет, там Вагановское.
НЭЛЯ. В общем, Аня, ты мне совсем голову заморочила уже! А есть у тебя нормальные песни?
АНЯ. Нэля Ларионовна, вы как директор лицея должны понимать важность русского фольклора для русского народа. Фольклор – это наши традиции, культура, наши скрепы и корни. И мы не имеем никакого морального права исказить текст, редактировать песни.
НЭЛЯ. Ну, тоже правда.
АНЯ. Ведь в песнях бедная молодушка изливает свою душу.
НЭЛЯ. Ну ладно, ладно, пусть изливает. Это ты после развода, Анька, стала такая. Ничё, может, найдёшь себе ещё кого. А может, и нет. Другие песни будут? Нам лицей представлять перед министром.
АНЯ. Будут, будут.
НИКИТА. Вы же говорили, одна песня, Анна Владимировна!
АНЯ. Никита!
НИКИТА. У меня укулеле, ходули, ораторский кружок. Я, типа, просто пошёл навстречу.
НЭЛЯ. Никита! Это мы пошли тебе навстречу. Сколько у тебя по химии? А по алгебре с геометрией? Физику вообще не вспоминаю. Тебя можно пинком под зад из лицея. Только ради папы держу, да Игнат попросил. А ты на балалайке не можешь сбацать, ну стыдно, Никита.
НИКИТА. Ну оке.
НЭЛЯ. Всё, репетируйте, сарафаны погладьте, что такие позорницы в мятом, и косы надо.
АНЯ. У нас некоторые с короткими стрижками.
НЭЛЯ. Приклейте. И в первые ряды ставь голубоглазых, высоких. Остальных в задние. Иванова, ты с твоими китайскими глазами иди в задний. Работаем, товарищи.
АНЯ. Нэля Ларионовна, у меня к вам вопросик. Насчёт секретарши.
НЭЛЯ. Не сыпь мне соль на рану, Ань. Ну какая тварь эта Оксанка. Посреди учебного года сбежать в Ленинград, а! Сама клялась: ни-ни, ни в Ленинград, ни в Москву, люблю Тверь, люблю родину. Тьфу, патриотка!
АНЯ. Так я новую нашла. Наша, из области, из Белого. Многодетная семья, привыкла работать.
НЭЛЯ. Сколько лет?

АНЯ. Восемнадцать, племянница моя.
НЭЛЯ. Маловата. Ну пусть придет, посмотрю.
АНЯ. Так она тут уже. Маша! Маша!

Маша с трудом отрывается от смартфона и снимает наушники, медленно подходит. Во всём её облике разлита томность и нега, она всегда немного сонная и величественная. Этому способствует также большой размер груди и коса.

Иди сюда, зову, зову её!

НЭЛЯ. О, настоящая русская красавица – и коса есть.

АНЯ. Машенька никуда не поступила пока, и готова этот год посвятить подготовке, да, Маш?

МАША. Здрассти.

НЭЛЯ. Ты что умеешь-то? Компьютер знаешь?

МАША. Ну как...

АНЯ. Подучим.

НЭЛЯ. У меня много работать надо, шустро – шныть, шныть, я люблю, когда быстро. Что улыбаешься, у меня одной рукой телефон, другой чай-кофе, третьей отчёт, потянешь?

МАША. Ну, в принципе...

АНЯ. А ещё Маша очень красиво поёт. Спой, Маш.

МАША (*поёт*). «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла!»

НЭЛЯ. Так её надо солисткой. По центру поставить. А ну-ка встань. Вот, вписалась как хорошо! Министр любит блондинок голосистых. Всё, принята. Завтра к восьми приходи.

АНЯ. Спасибо, Нэля Ларионовна!

НЭЛЯ (*отвечает на звонок телефона*). Алло! Первакова на проводе.

Нэля уходит.

АНЯ (*Маше*). Спишь что ли? В соцсетях допоздна сидела?

МАША. В принципе...

АНЯ. Господи, ну проснись уже, Русь, давай, тебе учиться, тебе работать, сколько можно тянуть тебя? (*хору*) Девочки, я хочу, чтобы вы были осознанные, не надо стоять с пустыми глазами. Думайте, о чём поёте. Вы – это и есть Россия, понимаете? Вы - это русская душа, должно быть в глазах бегущей строкой. У кого не читается в глазах – кладите в туфли сухарики, чтоб, прям, больно было стоять. Наши русские песни рассказывают о том, как несправедливы к лирической героине свёкор и свекровь, как трудно складываются её отношения с мужем. Нелюбимый муж (недоросток, старик или пьяница) не защитник ей и не заступник. Он заставляет жену работать день и ночь, не пускает никуда, за малейшие провинности бьет. И эта её боль должна отозваться в каждом сердце, даже в сердце министра культуры.

В актовом зале заходит Бомж.

Это что такое? А? Выйдите, пожалуйста! Эй, товарищ, уходи отсюда! Сейчас охрану позову! Давай-давай! До свидания! (*хору*) Давайте, девочки, с глубиной, вы – Россия!

2.

Баня в загородном доме Андрея – просторная, добротная. В парилке сидят, укутанные в простыни: сам Андрей, Игнат – жених его дочери Лизы, друг Игната и Лизы журналист Лёша, сама Лиза.

АНДРЕЙ. Плесни-ка, Игнатик.

Игнат плещет воду на камни, идёт пар.

А-а-а, хорошо пошла! Надо музыку сюда провести. Сидишь так и слушаешь: *(напевает песню группы U2) “One love, one life».*

ИГНАТ. Тогда уже лучше русскую народную, русская баня же.

АНДРЕЙ. Нет, ты не понимаешь, это уже слишком: русская баня, русская песня, как масло масленное. Лизка, ты бы какую хотела музыку?

ЛИЗА. Дэвида Боуи.

АНДРЕЙ. Ну-ка напой.

ЛИЗА *(напевает песню Heroes by David Bowie).*

We can be Heroes, just for one day

We can be us, just for one day.

ЛЁША. Мы с Лизой старые фанаты Боуи. *(напевает)* I, I will be king

And you, you will be queen.

ЛИЗА. Ой, Лёш, не твоя песня.

ЛЁША. Почему?

ЛИЗА. Ну она про героев, больше Игнату подходит.

АНДРЕЙ. Никому из вас она не подходит, вы все мелкие. А где Никитос? Почему к русским традициям не приобщается?

ИГНАТ. Ваш Никитос на ходулях ходит – там какие-то колядки в центре. То есть, вы всё-таки немножко славянофил, Андрей Дмитриевич?

АНДРЕЙ. В такой же степени, как Салтыков-Щедрин. Который, как известно, именно пожив в Твери стал желчным человеком. Ну вы-то его не читаете.

ЛЁША. Почему же, читаем. У меня дома собрание сочинений его. Мы с Лизой иногда обсуждаем даже.

ЛИЗА. Я его сказки люблю.

АНДРЕЙ. Лизке Салтыкова я подсунул. Чтобы она испугалась и ехала в Европу учиться. А она тут сидит, как дура. *(Лизе)* Не надо со мной из жалости сидеть, беги за своей мамашей в Москву!

ЛИЗА. Пап, давай не будем. Я тут живу, потому что мне тут нравится.

АНДРЕЙ. Что тут может нравиться? Как в сказке “Свинья и правда”, помнишь? Свинья Правду спрашивает: “А что, солнце, говорят, где-то есть? И правда где-то есть? А что же я не вижу?” “А потому что сидишь в хлеву”, - говорит Правда. Игнатик, плесни ещё.

ИГНАТ. Что вы меня всё время так странно называете, Андрей Дмитриевич? Игнатик.

ЛИЗА. Да, пап, сто раз просила.

АНДРЕЙ. Потому что ты, Игнатик, пока на побегушках бегаешь в администрации. Ты у нас ещё мелкий-мелкий человечек – как нынче говорят. Вот бросишь ерундой заниматься, откроешь свой бизнес, женишься на Лизке – тогда Игнатом станешь.

ЛИЗА. Пап!

АНДРЕЙ. Ну или не женишься, не беда. Лизку мы в Европу отправим.

ЛЁША. Лиз, у тебя колпак тонкий, возьми мой, а то голова перегреется.

ИГНАТ. Я не хочу бизнесом заниматься. Пока, по крайней мере.

ЛИЗА. Игнат станет мэром нашего города, я верю. Игнат Перваков!

АНДРЕЙ. Ну да, конечно, станет, ха-ха!

ЛИЗА. Пап, вот я тебя прошу – сделай нам ледяной городок – соберется весь город, все увидят, что Спиридонов сделал для родного города ледяной городок, так и формируется гражданское общество.

АНДРЕЙ. От ледяных скульптур?

ЛИЗА. От того, что люди сами могут решать вопросы.

АНДРЕЙ. Сама-то веришь?

ЛИЗА. На сто процентов.

АНДРЕЙ. Сомневаюсь. Будь честной с собой хотя бы. Вот я честный. Строю эти сраные панельки для родного города – и это мой вклад в дело. А ваше гражданское общество в Твери – иллюзия. Никто никогда ни во что настоящему не верит. А свинья – это мы с вами, девяносто процентов населения. Ковыряемся в своём хлеву до смерти. Помните, у Салтыкова: “Когда, как известно, в Вавилоне происходило столпотворение, Глупов откликнулся на зов жизни только тем, что собаки, спавшие доселе у ворот, свернувшись калачиком, начали потягиваться и повиливать хвостами. Один заезжий аптекарь, взирая на эту картину мира и безмолвия, даже заплакал от умиления”. Вот так – безмолвие! А вы только время теряете, что здесь живёте. Уезжайте. В нормальную жизнь уезжайте.

ИГНАТ. А вы чего тут?

АНДРЕЙ. Меня бизнес держит, я раб лампы, а вы-то чего?

ИГНАТ. Если все разъедутся, что тут через 100 лет будет?

АНДРЕЙ. Ничего не будет, и даже раньше не будет. Ладно, что-то сердце колет, пойду. Ты, Игнатик, за старшего. Или лучше Лизка пусть. Мне тут друг из Германии написал – в гости зовёт. Поехали, Лиз? У него сын такой красавец, познакомлю вас.

ЛИЗА. Пап!

АНДРЕЙ. Ну сделаю ледяной городок, сделаю! Вот пристала.

Андрей уходит.

ЛИЗА. Это он так горюет по маме.

ИГНАТ. Она звонит?

ЛИЗА. Нет, только я звоню.

ИГНАТ. Бросила его, у неё уже, может, в Москве другой мужик.

ЛИЗА. Кажется, да. Какой-то молодой урод.

ИГНАТ. И я её понимаю – сложный мужик твой отец, Лиз.

ЛИЗА. Ну ты должен его понять как-то, нет?

ИГНАТ. Я? Я ему ничего не должен. Он нюх потерял. Времена меняются. И элиты меняются. И я очень даже могу карьеру сделать теперь. Одобрели проект про этот поезд туристический между Москвой и Питером. Так что, вполне может пройти и мой стартап. И твой папа окажется нулём со своими панельками.

ЛИЗА. Идеи твои поддерживаю, но насчет папы – ты всё-таки в его бане сидишь, гостишь в его доме, это как бы странно...

ЛЁША. Эй, вы чего? Лиза права, Игнат, изи-изи.

ИГНАТ. Лиз, мы договорились с тобой: типа, мы партнёры, соратники и что всегда честно всё говорим друг другу. Я перед тобой открылся.

ЛИЗА. Ну ладно, пойду, с лёгким паром.

ИГНАТ. Иди, женщина, приготовь нам ужин. Да шучу, шучу.

ЛЁША. Лиз, я помогу!

Лиза уходит.

Чё-то тебя бомбит.

ИГНАТ. Да ну в жопу его, достал: Игнатик, Игнатик, мелкий человечек. Мы с тобой должны прогреметь, Лёх. Как там у Боуи? (*напевает*)

We can be Heroes, just for one day

We can be us, just for one day.

ЛЁША. В смысле?

ИГНАТ. Чё я зря на историка учился – я же написал крутой стартап. Как наш город обогатиться. И он у меня лежал, я даже никому про него не говорил, пока “Химик” не разрыли.

ЛЁША. Ты имеешь в виду, что кости нашли? Кладбище?

ИГНАТ. Ну да. Нашли это средневековое кладбище и тут – бах! – эта новость про туристические поезда. А это значит – мне зелёный свет. И проекту “Верь в Тверь”. Лёха, мы должны сделать хайп.

ЛЁША. Какой хайп?

ИГНАТ. Ты журналист, ты всё про это знаешь, давай, подключай людей, ты должен меня пиарить, и мой проект, и это сейчас реально в тему, как раз они там думают, как жить дальше, куда город вести, куда развивать. А мы тут – бах! – строим древний город, тем более, у нас теперь эти кости все, одеваем всех в сарафаны, быстренько русские печи, гостиницы-избы, что там – пожарские котлеты...

ЛЁША. Котлеты – это не русская кухня, русская – это пироги, щи, каша.

ИГНАТ. Тем более, даже дешевле – пироги, щи, каша, квас, бражка – ну и балалайка, гусли, баранки – короче, весь этот лубок – и к нам прут китайские туристы на поезде. Тысячи. Миллионы. И осыпают город бабками.

ЛЁША. У нас нет столько гостиниц.

ИГНАТ. Построим, говорю же – избы, терема. Мог бы Спиридонов подключиться, я уже рассказал ему, да ну его в жопу, пусть дальше бухает и грустит, разорится и дело с концом.

ЛЁША. Ты чё, это твой будущий тесть.

ИГНАТ. Тесть-шмесь, всё ещё вилами по воде.

ЛЁША. В смысле? Вы же пять лет с Лизкой. Ты уже как зять тут вписался.

ИГНАТ. Уже пять? Как время бежит. Феминизм бабу испортил. Посмотрим. В церковь не ходит.

ЛЁША. Да ладно. Ты-то давно ходишь?

ИГНАТ. Я чувствую перспективу. И иду. И благодать меня осеняет.

ЛЁША. Игнат, алё!

ИГНАТ. Поверить, Лёх, не так просто, как разувериться. Вот сто пудов ты тоже к этому придёшь. Так что начинай пока не поздно. Ну так что, старуем?

ЛЁША. Ну не знаю, подумать надо.

ИГНАТ. Я карьеру сделаю, тебя к себе пиарщиком возьму. Вместе прогремим! Мы будем героями! We can be heroes!

Дверь в парилку открывает Бомж.

ЛЁША. Мужик, ты кто?

Бомж убегает.

Это чё щас было? Откуда тут бомжи?

3.

Квартира Лёши и его деда, холостяцкое жильё, много книг, Лёша возится на кухне.

ЛЁША. Дед, жрать будешь?

ВАЛЕРИЙ. Что нам сегодня бог послал?

ЛЁША. А сегодня бог послал нам овощи замороженные “Четыре сезона”: брокколи, морковь, лук, зеленый горошек.

ВАЛЕРИЙ. А котлету, например, бог не послал?

ЛЁША. Сегодня не послал.

ВАЛЕРИЙ. А курицу?

ЛЁША. И курицу не прислал.

ВАЛЕРИЙ. Эх, не любит он нас. А вот я когда твою бабушку Марину полюбил, он прислал мне курицу импортную.

ЛЁША. Ага, прислал. Ты ж за этой курицей три часа на электричке пилякал, а потом в очереди стоял.

ВАЛЕРИЙ. Ну да, чего не сделаешь, когда полюбишь. Выбросили тогда этих румынских кур. Чудо, настоящее чудо. Не жалко субботу потратить на такое.

ЛЁША. Оценила твой подвиг?

ВАЛЕРИЙ. Она была необычайно смешлива в тот вечер. Щёки пылали. Глаза горели. Навернула эту курицу с большим, между прочим, аппетитом.

ЛЁША. Но всё равно же ночевать не осталась.

ВАЛЕРИЙ. Ну что ты всё ночевать-ночевать! Как можно говорить такое! У меня, между прочим, не было проблем с теми, с кем ночевать. Я влюбился в эту и жениться хотел. Она была другого сорта.

ЛЁША. Дед, вот скажи мне: что делать, если нравится девушка, которая занята? Ну, типа, у которой есть парень уже.

ВАЛЕРИЙ. А она ему уже отказала?

ЛЁША. В смысле? Нет, она с ним. Они, типа, жениться хотят.

ВАЛЕРИЙ. Она знает, что ты её любишь, и не бросила того, второго? Ты с ума сошёл? Зачем тебе такая?

ЛЁША. Ну, она, может, не знает, что я, как бы... Короче, всё сложно.

ВАЛЕРИЙ. Так признайся ей.

ЛЁША. Я знаю этого её парня, и как бы... всё сложно.

ВАЛЕРИЙ. Что ты заладил: всё сложно, всё сложно. Сложно было раньше. Все эти добрачные ритуалы в городе Калинин были очень осложнены. Тем более, в зимнее время. Вообрази: три кафе на город и два ресторана, это на 400-тысячный город. И все набиты битком, не говоря уже о том, что у корреспондента газеты “Калинская правда”, коим я являлся, денег не так чтобы много.

Лёша смотрит в окно и видит там Бомжу.

ЛЁША. Извини, перебыю. А что за бомж у нас во дворе отирается, не знаешь?

ВАЛЕРИЙ. Понятия не имею. Так вот, тогда умер Тарковский, слава богу. В смысле, жалко, конечно, что умер, но из-за этого его фильмы из запасников вытащили, он же был запрещённый режиссёр, нас же держали на голодном пайке. И вот - большой фестиваль фильмов Тарковского в кинотеатре «Звезда». И я её пригласил. А в Душанбе нет зимы, я ж из Душанбе полгода

как. И приехал в тоненьком пальтеце, беретике с помпончиком – ну ты помнишь, может, на фотографиях потом твой папа в беретике этом стоял.

ЛЁША. Да не помню я, помпончики, мелочи жизни.

ВАЛЕРИЙ. Никакие не мелочи, это существенно очень: вещей было мало – народу много. Так вот, пригласил Мариночку на Тарковского. Посмотрели мы «Иваново детство», выходим из «Звезды». И она: «Ну давайте погуляем немного, вы так интересно рассказываете». А это 20 градусов мороза. Она идет в шубе, в пуховой шапке. А у меня зуб на зуб на попадает.

ЛЁША. Ну и вёл бы её к себе, ты ж один жил.

ВАЛЕРИЙ. Я не мог, что ты! Она бы не пошла, конечно, она же из порядочной семьи! Значит, идём в кафе. Кофе попили и снова на улице.

ЛЁША. Может, она тогда от жалости и втюрилась?

ВАЛЕРИЙ. Может, и так. Или ей нравился голубой цвет, а я тогда совершенно синел на этом морозе. Короче, два месяца мы так гуляли.

ЛЁША. Да ладно! Два месяца?

ВАЛЕРИЙ. Два месяца. Зимой. Ну и выяснилось, что она любит курицу-гриль – это было блюдо из ресторана, пару раз в год она ела такое. И я сказал: «У меня дома есть гриль».

ЛЁША. Опа! Тут она должна была отдаться.

ВАЛЕРИЙ. «А что если я вас приглашу к себе домой и приготовлю». И вот тогда в Москве выбросили румынских кур, они были дороже в два раза. Но это было совсем не то, что наши синие птицы с длинными жёлтыми пальцами. Смотался я в Москву. Удалось оторвать, кстати, ещё и шампанское, сливочное масло и советский рокфор.

ЛЁША. Да ладно, рокфор?

ВАЛЕРИЙ. Да, Лёшенька, я разыскал даже это. Он был лучше немецкого дорблю, но хуже французского. И вот, трясусь в холодной электричке, туда три часа, обратно три часа. Ну и приходит моя Марина. Чтоб ты представлял мою тогдашнюю квартиру: вот так стоял большой диван, за окном жд-дорога, тут в углу цветной телевизор. И стопки книг – вот этих, которые у нас с тобой теперь в шкафу. А раньше они на полу стопками, порядка двух тысяч томов из Душанбе привёз. Холодильника не было. Мы выпили. Я достал этого курчонка подрумяненного. И предлагаю...

ЛЁША. А не переспать ли нам?

ВАЛЕРИЙ. Ну что ты такое заладил? Твоя бабушка вlepила бы мне оплеуху, и не было бы никогда твоего папы. Итак, предлагаю: «Марин, что мы всё на «вы» да на «вы», давайте выпьем, чтобы перейти на «ты». Он говорит: «Согласна». И второй тост: «Марин, выходи за меня замуж».

ЛЁША. Боже мой, ты даже не поцеловал её ни разу, а уже замуж?

ВАЛЕРИЙ. И она совершенно ошарашенная: «Не, я так быстро не могу, мне нужно подумать головой». Так и сказала – головой!

ЛЁША. Бабуля всегда была рациональная женщина. Но как же диван, дед?

ВАЛЕРИЙ. Я проводил её на трамвай. Диван был ещё через 4 месяца.

ЛЁША. То есть как?

ВАЛЕРИЙ. Твоё поколение – страшные путаники. И страшные лентяи. Вам надо всё готовое – готовые овощные смеси, которые вы даже пожарить на сковороде нормально не умеете, ты всё сжёг.

ЛЁША. Ну извини, я не Марина.

ВАЛЕРИЙ. Ты палец о палец ударить не хочешь, и даже девушку отбить не умеешь. Вообще бороться не согласен. Ты согласен только потреблять в комфортных для себя условиях, чтобы ноги не мёрзли, рот открыть – и пусть оно само в рот влетает: любовь, семья, деньги и карьера, желательно.

ЛЁША. Опять.

ВАЛЕРИЙ. Да, карьера.

ЛЁША. Дед, ну сколько раз мы уже говорили про это – сегодня журналистика – умирающая профессия и вообще она стала другой, сегодня можно сидеть дома и...

ВАЛЕРИЙ. И ничего не делать! Никак не влиять ни на что?

ЛЁША. Да я влияю! Влияю! У меня много подписчиков.

ВАЛЕРИЙ. Ты не влияешь ни на что, даже на свою осанку! Плечи слабые, рыхлый, неспортивный любитель пива! Да конечно эта девушка выбрала не тебя!

ЛЁША. Ну хватит, готовь себе сам. И посуду мой, кстати, сам. Потому что Марина смотрит с того света и видит, что ты даже посуду не моешь. Только скандалишь.

ВАЛЕРИЙ. А кто будет смотреть с того света на тебя?

4.

Под балалайку Никиты хор на сцене поёт песню, Аня дирижирует. В первых рядах – только старшеклассницы со славянской внешностью и косами, иногда накладными, и в центре – Маша. В зале выступление смотрят Нэля и Игнат. Игнат глазееет на Машу. Аня – на Игната.

ХОР. Один был сын у отца-матери,
И тот на службу пошел.

Он год служил, другой служил,
На третий год он домой пришел.
Мать сына встретила среди поля,
Сестра встретила середь улицы,
Жена встретила середь горницы.

Мать сыну стала жаловаться:

«Ах сын мой, сын мой,
Сын любезный мой,
Жена твоя приказа не исполняла,
Коней всех твоих поморила,
Соколов твоих пораспустила,
Вино и мед расшинкарила,
Дитя, твой сын, скончался».
Взял молодец саблю острую,
Срубил жене буйную голову
По самые плечи ее белые.

Пошел молодец во конюшенку —
Кони стоят, овес едят,
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец во сокольню свою —

Соколы его подчищаются,
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в погреба свои —
Вино у него запечатано.

Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в свою спаленку —
Дитя, сын его, в колыбели лежит.

«Бай, бай мое дитятко,
Съела тебя родная бабушка,
А моя родная матушка!»

НЭЛЯ. Так, Иванова, ты плохо тут смотришься, даже на заднем ряду. Тебя, Иванова, надо звать в песню “Увезу тебя я в тундру на оленях утром ранним”. А у нас русский хор, Иванова. Ты, конечно, никакая не Иванова с такими узкими глазами, удивляюсь даже. Чукчина или Эвенкова ты. Карие глаза – это, Иванова, не по-русски. Аня, заменить.

АНЯ. Иванова, костюм сдай. Так, хор, репетируем танцы, у вас Маша хореограф, давай, Мария.

Маша меланхолично двигается, хор повторяет за ней.

ИГНАТ. А что это за Маша, ба?

НЭЛЯ. Секретарша новая. Бревно-бревном, компьютер включить не умеет, на звонок не может нормально ответить, мне вообще кажется, у неё отставание в развитии. Скажи честно, Ань.

АНЯ. Да, наверное. Ну, в смысле, просто спокойная. Когда маленькая была, засыпала с ложкой во рту. И в ванной постоянно засыпает, хорошо - крупная, не утонет.

НЭЛЯ. Красивая, голос. Это представительские расходы.

ИГНАТ. Да, хороша. Очень даже.

АНЯ (*Игнату*). Мы похожи – это моя племянница. Её надо иногда будить – крикнуть громко, хлопнуть. Мы так всегда делаем. Игнат, а расскажите нам городские новости, вы же на самых верхах.

ИГНАТ. Да ну на каких верхах, скромно служу родине.

НЭЛЯ. Так, Ань, давай вернемся к делам. И что он сделал с родной этой матушкой?

АНЯ. Кто?

НЭЛЯ. Ну, в песне твоей.

АНЯ. Понял и простил, наверное. Не знаю, Нэля Ларионовна, песня на этом заканчивается.

НЭЛЯ. Ну я пытаюсь понять, почему же такая злая мать у него. Разве это русская черта, вот эта злость её?

АНЯ. Ну а Пушкина вспомните – сказка о Гвидоне. Тоже там три бабы оболгали женщину. В бочку заколотили с младенцем. А вас его доверчивость не смущает? Не разобрался – хрясь! – и голову отрубил. Ему скажут с крыши спрыгнуть – он спрыгнет? Вот такой вот безалаберный царь Салтан.

НЭЛЯ. Ну всё-таки, где ты эти песни находишь, Ань?

АНЯ. Да это настоящие русские песни. Наш генетический код.

НЭЛЯ. Как думаешь, Игнат?

ИГНАТ. Хор прекрасный, и солистка исполняет великолепно. И про код я согласен.

НЭЛЯ. Ну ладно, тем более, раз Пушкин.

НИКИТА. Анна Владимировна, ну я пойду?

НЭЛЯ. Никита, молодец, хорошо играешь!

НИКИТА. Мне вообще-то охота на электрогитаре играть и на барабанах, у меня укулеле ещё.

НЭЛЯ. Укулеле-шмукулеле. Ты давай гусли осваивай, Никит, у нас на хор большие планы.

НИКИТА. Гусли?

НЭЛЯ. Ань, ну покажи ему гусли.

АНЯ (*показывает в воздухе игру на гусях*). Гусли, Никита, дрын, дрын, дрын.

НЭЛЯ. Молодец, Анька. Папа родимый. Хоть и спился, но хороший был трубач, на каждом похоронах, всем как родной. В город его встретишь, просто даже в очереди - сразу плакать начинаешь, рефлекторно.

АНЯ. Вчера репетицию из отдела образования смотрели – говорят, это традиционные ценности, это корни. Позвали нас на митинг по поводу пенсионной реформы.

НЭЛЯ. Очень хорошо, товарищи, только непонятно, зачем это слово иностранное – митинг.

ИГНАТ. Конечно, нелепо. Есть же слово “концерт”.

АНЯ. Хорошо, на концерт в честь пенсионной реформы.

НЭЛЯ. Вот, уже лучше. “Митинг” – это как будто против чего-то. А “концерт” – это всегда про уважение.

АНЯ. А если, допустим, обманутые дольщики против строительной компании митингуют?

НЭЛЯ. Ань, можно без этого вот вечного щипка? Усложнения вечного.

ИГНАТ. Если обманутые дольщики – то концерт в честь справедливого строительства домов.

НЭЛЯ. О! Молодец, Игнатик! Видала, какой внук у меня? Будто выкормленный моим молоком. Да, не нужно негативных формулировок. Концерт в честь справедливого строительства – и всё: уважение проявили, позитивно настроились, народные надежды устремили вдаль.

НИКИТА. Можно я пойду уже?

НЭЛЯ. Никитушка, а ты вприсядку умеешь?

НИКИТА. В смысле?

НЭЛЯ. Ань, покажи ему.

Аня, как умеет, танцует вприсядку.

Ань, ну что за нижний брейк?

АНЯ. Я вообще-то завуч. А не из ансамбля “Берёзка”.

НЭЛЯ. А я вообще-то директор лицея, а не филармонии. Однако же, партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть! Зато нам денег на ремонт могут подкинуть, если мы на каждом митинге с концертом. Вернее, на каждом концерте с концертом. В общем, вы поняли.

ИГНАТ. Ба, я чего зашёл-то. Спасай, помогай, Айболит.

НЭЛЯ. Что опять? Денег подкинуть?

ИГНАТ. Да не, родители прислали. Связи твои нужны.

НЭЛЯ. Что такое? Пьяный за рулём катался?

ИГНАТ. Грандиознее. Нужна твоя помощь, чтобы разные авторитетные люди, типа, поддержали мой проект. Хочу возродить русский город, ба. Настоящую старорусскую Тверь. Я идеалист, знаю. Ты меня таким воспитала.

НЭЛЯ. Они когда бросили тебя, маленького, мне и уехали в эту свою Москву... Моментально к горшку приучила, во-первых, и закаливать начала. Эх, Игнатик, быть тебе мэром, быть, помяни моё слово. Или даже губернатором. Птицу видно по полёту.

ИГНАТ. Вот и помоги мне, ба.

НЭЛЯ. Сделаю, что могу. Пойду сегодня в церковь и буду молиться за тебя, Игнатик.

ИГНАТ. Э-э-э... это, конечно, хорошо, а что с земными связями?

НЭЛЯ. Это тоже. Всех подниму. Чтобы ты нашу фамилию прославил в Твери. И чтобы нашей фамилией улицу назвали. Или площадь – площадь Игната Первакова! (*звонит телефон*) Алло, Первакова у аппарата.

Нэля уходит. Игнат подходит к Маше.

ИГНАТ. Маша! Привет!

МАША. Здрасти.

ИГНАТ. Я к вам по делу.

МАША. Пять сек, Игорю Олеговичу объедки вынесу.

ИГНАТ. Кто такой Игорь Олегович? Собачка?

МАША. Типа, человек. Бездомный, типа. Мы ему собираем в столовой пожрать. Он котлеты пожарские обожает.

Маша выносит еду Бомжу. Бомж забирает у неё пакетик и убегает.

ИГНАТ. Маша, да ты такая хорошая.

МАША. Я всех жалею.

ИГНАТ. Господи, Маша. У меня пульс участился – вот потрогай. Пожалей меня.

5.

Игнат и Маша гуляют по улицам. Мимо них проходит Бомж, он машет Маше рукой и шлёт воздушные поцелуи.

ИГНАТ. «Небо подпирают новостройки-костыли.

Всё та же чёрная девятка разрезает пустыри”.

Ты Хаски слушаешь?

“Набитое панельное брюхо.

Панельного неба краюха”.

Это вот об этих панельках. Конечно, Спиридонов строит доступное жильё. Каждый, типа, хочет получить свой кусочек личного пространства. Но ты, Маша, создана для терема. Знаешь, что такое терем? Это большой дом.

“Первый этаж каменный, там печь, там мужчины жили,

Второй деревянный, там женщины могли шить или

Вышивать, там свет, так было много лет,

И мы должны вернуть билет

В такое будущее, где терема нет”.

Офигеть, ты поняла, это рэпчик! Ну вот, я тоже рэпер, как все подростки. Маша, ты муза, знаешь, что такое муза? Маша, ты меня вдохновляешь, я с тобой чётче вижу, куда надо идти. Куда вести всех. Маша, построю тебе терем, и ты будешь там сидеть у окна, и вышивать, умеешь вышивать? Научишься, ничё сложного, я пробовал, даже вязать умею. Научу тебя. Я, короче, хочу жить интересную, типа, жизнь. Понимаешь? Не среди этих панелек, а среди теремов. Я же на историка учился, Маш. Да, вот так. Мне такие сны снятся – я чувствую, что.... Что всё изменится. Да. И... всё будет круто! Не зря тебя встретил. Замёрзла?

“Когда солнышко отключит отопление,

Я обхвачу колени твои, чтоб не околели

Так делают таёжники

Я соберу тебя в комочек, ты поёрзаешь, поёрзаешь

Но не замёрзнешь”.

А вместо рухнувшего Речного мы построим гигантский терем. Терем-высотку. И её напечатают на новых банкнотах. А ты родишь мне пять богатырей. Да, Маш?

“В темноте, в коконе, что выткнут ветра,
Я дам тебе с избытком тепла”.

6.

Вечер, набережная Афанасия Никитина, праздник в честь Крещения, все ждут приезда Министра. Сверкает свежестроенный ледовый городок. Лёша и Лиза стоят возле палатки. Готовится петь хор лица, все девушки славянской внешности, в сарафанах, с косами.

АНЯ. А теперь песня шуточная, про купания!

ХОР. Вечор Дуню обманули,
За старого, за старого замуж отдали.
За старым жить недолго,
Всего только три денечка.
На четвертый день, на четвертый день зовет в поле:
«Пойдем, старый, пойдем, старый, в чисто поле!
В чистом поле, в чистом поле сине море,
А на острове, а на острове расцвел цветик,
Пойди, старый, пойди, старый, сорви цветик».
— «Боюсь, жена, боюсь, жена, утону я!»
— «Небось, старый, небось, старый, черт не возьмет».
Первый ступень, первый ступень по колено,
Второй ступень, второй ступень стал по пояс,
Третий ступень, третий ступень стал по шейку.
Кричит: «Жена, кричит, жена, утонул я!»
— «Слава богу, слава богу, утопился,
Слава богу, утопился!»

ЛИЗА. Классный городок, только папа стесняется – я говорю: пап, надо табличку, что это дар от тебя городу, пусть все знают. А он говорит: да ну, если бы я университет построил, или трамвайные пути восстановил, а то какой-то лёд на пару недель.

ЛЁША. Пойдем лучше посмотреть Триера, скачал.

ЛИЗА. Я на работе. А вот ты чего?

ЛЁША. А я мёрзну. Люблю мёрзнуть. Как думаешь, Лиз, почему столько людей в такой мороз купаются?

ЛИЗА. Ждут чуда. Вдруг все болезни уйдут.

ЛЁША. Ну это что-то языческое – как сказки о живой воде. То есть, ты гретишь, и вот всё обнуляется как бы, если ты в воде искупался.

ЛИЗА. Я в прошлом году купалась.

ЛЁША. Ты? Не позвала даже?

ЛИЗА. Хотела по-тихому. Так холодно было, Лёш, потом три дня мёрзла и температура 37 была. Поэтому наш фонд в этом году и занялся этими палатками для обогрева. Ну и многие жители писали – что нужны такие палатки.

ЛЁША. Я слушал интервью какого-то священника – он говорил, что не у всех это связано с религией, а кто-то верит в это как в магию. То есть, ты участвуешь в магическом обряде, получается, Лиз.

ЛИЗА. Я со своим народом, куда он заблуждается, туда и я.

ЛЁША. А я куда ты, туда и я.

ЛИЗА. Игнат просил пофотать его с министром.

ЛЁША. Игнат? Да, Игнат. Ты рада, что его повысили?

ЛИЗА. Благодаря тебе. Ты же такую кампанию развернул.

ЛЁША. И благодаря связям его бабушки. И этот проект с китайскими туристами – всё сошлось.

ЛИЗА. Спасибо тебе.

ЛЁША. Вообще-то я не совсем ради Игната топлю.

ЛИЗА. Да, ведь это и твоя карьера.

ЛЁША. Я это делаю для тебя. Как в песне Боуи - we can be heroes just for one day. Давай, говори, какой подвиг совершить.

ЛИЗА. Лёш, спасибо, я тоже люблю... с тобой дружить. Будешь чаю?

Министр выступает перед горожанами, рядом с ним Игнат.

МИНИСТР. Жизнь научила нас идти вперед, когда сложно, не пасовать перед трудностями и не сдаваться, когда вроде бы и силы на исходе. Вот так, плечом к плечу, мы стоим на родной земле. Мы не изменили своим традиционным ценностям, понимаем, что такое наша земля. Мы держимся за свою землю и свою историю. И это самое главное. Как сказал великий русский поэт: “Здесь мой причал, и здесь мои друзья. Всё, без чего на свете жить нельзя”.

Аплодисменты, вспышки камер, Министр сходит с трибуны, вместе с Игнатом они идут в палатку, в которой раздеваются, чтобы тоже окупаться.

ИГНАТ. Как вы красиво говорите, Михал Михалыч!

МИНИСТР. Потому что я говорю от сердца, у меня нет спичрайтеров. Это у твоего поколения – сплошной имидж, пиар, хайп, а я что думаю – то и говорю. И народ чувствует.

ИГНАТ. Может, тоже когда-то научусь.

МИНИСТР. Учись, раз появилась у тебя такая возможность. Вот видишь небо?

ИГНАТ. Вижу.

МИНИСТР. И что ты видишь?

ИГНАТ. Закат.

МИНИСТР. Это на физическом плане закат, а на духовном – расцвет. Ты почувствуй. Начало новой жизни. Родина – живая, и эти голые ветки деревьев – живые, и Волга – живая. Понимаешь?

ИГНАТ. Понимаю.

МИНИСТР. Стихи о Волге какие знаешь?

ИГНАТ. Стихи о Волге? Э-э-э...

МИНИСТР. Ну?

ИГНАТ. Выдь на Волгу: чей стон раздастся

Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовется —

То бурлаки идут бечевой!..

МИНИСТР. Ну при чём тут бурлаки? При чём тут бурлаки? Эх ты, вот потому-то ваше поколение – слабаки, что не можете красоту родины увидеть. Завтра расскажешь мне пять стихотворений о Волге. А то премии лишу. Шучу. Просто уволю и всё. Пять стихотворений – я серьёзно. Я тебя повысил, к себе приблизил, ты как вообще собрался делать такой серьёзный проект про древнюю Тверь, если элементарно о Волге стихов не знаешь?

ИГНАТ. Я исправлюсь, Михал Михалыч, всё выучу.

МИНИСТР. А я без Волги просто не могу.

Как хорошо малиновою ранью

Прийти и посидеть на берегу

И помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает,

С чем ни приду — с обидой иль бедой.

И все она, наверно, понимает,

Коль грусть моя уносится с водой.

ИГНАТ. Записал на диктофон.

МИНИСТР. Давай, Игнат, давай. Сегодня день такой – крещение, вот и я тебя благославляю на новое дело. Тверь наша возвращается к своим корням, и становится той, которой и создана – древним русским городом. Эх, мурашки по коже! Понимаешь, вся эта суета 21 века – она наносное, Игнат. Всё пустое это. Имя у тебя хорошее, древнее. За имя и взял. Только за имя. Шучу.

ИГНАТ. Михал Михалыч, а можно я постою, а не буду окунаться – у меня сосуды слабые, вегето-сосудистая дистония была.

МИНИСТР. Да ты что, Игнат, обалдел? Это же Волга. И вода сегодня святая.

ИГНАТ. Да, но хронический бронхит, и...

МИНИСТР. Ну решай, ты будешь заниматься нашим проектом? Или тебя заменить?

ИГНАТ. Издалека долго

Течет река Волга,

Течет река Волга —

Конца и края нет...

МИНИСТР. О! Давай! Пошёл!

Министр и Игнат выходят из палатки и идут к оборудованной купальне, вспышки камер, но первые кадры испорчены – дорогу перерезает Бомж. Он с разбега кидается в прорубь, окатывая всех брызгами, его вылавливает охрана.

7.

Лицей, планёрка в кабинете директора.

НЭЛЯ. Итак, товарищи, на собрании присутствует наш куратор от министерства культуры – Игнат Перваков, мой внук. Он попросил нашей помощи в деле создания программы мероприятия. На повестке дня у нас масленица.

ИГНАТ. Масленица – перезагрузка.

НЭЛЯ. Наш лицей станет единственным средним учебным заведением, которое примет участие в мероприятии для китайских туристов. То есть, Ань, не просто мы там песни петь будем и хороводы водить, но и нужно что-то предложить.

АНЯ. Никита у нас гусли освоил.

НИКИТА. Я и на жалейке теперь могу. Но вообще-то мне хотелось бы на укулеле.

ИГНАТ. Укулеле-шмукулеле.

НЭЛЯ. Да погоди ты со своим укулелем. На нём дома будешь играть, в свободное время. А что гусли освоил и это, как его...

АНЯ. Жалейку.

НЭЛЯ. Да, вот это ты молодец, хорошие у тебя будут баллы по ЕГЭ.

НИКИТА. Серьёзно?

ИГНАТ. Думаю, Никита должен возглавить скоморохов.

НИКИТА. Каких скоморохов?

ИГНАТ. Каких найдёшь в школе. Ты теперь главный скоморох.

НИКИТА. В смысле?

НЭЛЯ. Так, Никит, понял, да – создаешь отделение скоморохов, они нам пригодятся очень. Деньги на костюмы есть – нам выделили. Ну что такие обиженные глазки – ты же хотел на ходулях – ну вот тебе, хоть на головах стойте. Решено. Какие ещё предложения от нашего лица, у кого какие идеи, товарищи? Маша?

МАША. Ну, чучело масленицы.

ИГНАТ. Да! Обязательно!

АНЯ. Очень оригинальная идея, конечно – свежая такая, Маш. Предлагаю сделать ледяные горки и качели.

НЭЛЯ. Обе идеи очень свежие. Горки сделаем, качели пусть строят другие товарищи, мы это запишем в список предложений, который передадим нашему куратору, да, Игнат? Ещё что?

ИГНАТ. Я хотел вас вести в курс дела – как историк. О том, как праздновали масленицу в 17 и 18 веках на Руси. Может, это нам подскажет направление. Вот, например, воспоминания секретаря австрийского посольства Корба, который наблюдал масленицу при Петре I. «К немалому удивлению Корба, сам молодой царь задавал тон ниспровержению всяческих авторитетов. Корб стал свидетелем курьезного и вместе с тем глумливого обряда. Только что отстроенный Лефортов дворец освящал на масленицу шутовской патриарх, князь-папа, возглавлявший всешутейший и всепьянейший собор. Дворец освящали в честь Вакха, кадили табачным дымом, а патриарх благословлял всех крестом, сделанным из перекрещенных табачных трубок. Затем во дворце начался веселый пир, продолжавшийся двое суток».

АНЯ. Круто, конечно. Как классно, что ты историк, Игнат!

НЭЛЯ. Ну и зачем ты нам это читаешь? Как это пригодится?

ИГНАТ. Чтобы вы почувствовали атмосферу, которая тогда царила. Это карнавал! Понимаете? Карнавал! Нам надо тоже как-то раскрепоститься, чтобы креатив пошёл. Маш, есть идеи?

НИКИТА. Мы можем курить, например, на ходулях.

НЭЛЯ. Я передам твоему папе, Никита, про курение.

АНЯ. Так давайте тоже выберем шутовского патриарха!

НЭЛЯ. Стоп-стоп, товарищи, давайте не будем ерундой болтать. Никаких патриархов мы выбирать не станем. У нас уже есть нормальный патриарх. И вообще, вот это глумление – это не надо. И пропаганды курения-пьянства не надо.

ИГНАТ. Ну, от лица не надо, но вообще, это русские народные масленичные традиции – и мы что-то такое...

НЭЛЯ (*тихо*). Ты без году неделя поднялся на новый пост, Игнат. Давай хотя бы немножко продержись.

ИГНАТ. Ну ладно, ладно, я просто вам историю рассказываю. «Екатерина II по случаю своей коронации, подражая Петру I, устроила в Москве на масленой неделе грандиозное маскарадное шествие под названием Торжествующая Минерва. Три дня ездила по городу маскарадная процессия, которая, по замыслу императрицы, должна была представить различные общественные пороки – мздоимство, казнокрадство, чиновничью волокиту и другие, уничтожаемые благотворным правлением мудрой Екатерины».

АНЯ. А поймут китайцы про казнокрадство? Может, иероглифами написать?

НЭЛЯ. Ничего мы писать не будем, конечно, хватит ерунду всю эту читать.

НИКИТА. Это история, Нэля Ларионовна, вы же сами говорили, что историю нужно знать.

ИГНАТ. Что ты боишься? Казнокрадство? Необязательно именно эти пороки, можно другие.

НЭЛЯ. Недостаточный патриотизм граждан, например. И всё, не надо больше никаких других.

ИГНАТ. Ну тогда остаётся баттл-шматл.

НИКИТА. Баттл – круто!

АНЯ. Кулачные бои что ли? Это на каждую масленицу у нас.

ИГНАТ. Начать надо с хуления. Где у меня тут хуление? «Брань у русских людей носила ритуальный характер». Так, щас... А, вот: «Происходила переключка сёл во время весенних праздников: девушек чужого села называли – хромые, косые, курносые кривоногие, клешеногие, бледные, вороны, совоньки, лентяйки, череватые, с байструками. Парней – шмаркатые, с червями в носу, паршивые, горбатые. Также было популярно хуление девушек и баб на свадьбах. Перед пахотой били тестя для хорошего урожая ржи и тещу для хорошего урожая пшеницы».

АНЯ. Что такое байструки?

НИКИТА. Если чё, можете тоже скоморохам поручить. Мы, типа, постараемся оправдать доверие.

АНЯ. А череватые – это какие?

НЭЛЯ. Товарищи! Прекратите этот балаган!

ИГНАТ. Кстати, балаганы были очень популярны на масленицу. Ну, ладно-ладно, вот тут, смотри, есть про Тверь: «Каждый крестьянин на масленой неделе мог превратиться в царя. В конце XVII века тверской помещик Пушкин донёс, что его крестьяне в субботу на масленице выбрали себе царя, с великим торжеством водили его по деревням со знаменами, барабанами и с ружьем. Перепуганный помещик усмотрел в игровом действе проводов масленицы политическую крамолу».

НЭЛЯ. Так, товарищи, у меня давление подскочило.

ИГНАТ. Давайте подумаем, как это можно обыграть. Маш, как думаешь?

АНЯ. Да очень легко можно обыграть – пусть царя и выбирают. В короне, с державой и скипетром – китайцам понравится, точно.

НИКИТА. А давайте я царем буду? Ну пожалуйста! Я чё зря тут корячусь с этими гусями?

В кабинет заглядывает Бомж.

МАША. Игорь Олегович, ждите там!

НЭЛЯ. Сколько уже говорить, Маша, не надо тут бомжей прикармливать, как он вообще мимо охраны проходит, не понимаю, просила же не пускать.

МАША. Я ему котлеты передам, можно?

НЭЛЯ. Это антисанитария полная, он нам эпидемию вшей запустит!

НИКИТА. Хочешь, я помогу ему, Маш?

МАША. Ну, типа, да.

НЭЛЯ. Только не в моём лицее! Помогайте хоть запомогайтесь, но на улице.

МАША. Он в школе привык, он, типа, работал учителем русского у нас в Белом. А потом у него жена с детьми, типа, погибла в аварии, и он кукухой поехал.

НЭЛЯ. Я тут тоже скоро поеду. Кукухой. Всё, планёрка закончена, товарищи.

ИГНАТ. Ты должна стать лицом нашего проекта, Маша.

8.

Широко раскинулась масленичная ярмарка в городском саду!

ХОР. Соловей мой, залетная пташечка,
Не пой, не пой утром рано на заре,
Не буди ты моего милого в тереме!
Я думала, что мой милый спит, не чувствует,
А мой милый сидит, плеточку готовит.
Я думала, что плеточка — шуточка,
А плеточка — из сыромятного ремня:
И где ударит — приподнимется шкурочка.

Люди, одетые в кафтаны и сарафаны, качаются на качелях, катаются с ледяных горок, грызут баранки и запивают медовухами, сбитнями и киселями. Скоморохи, возглавляемые Никитой, дудят в дудки, жалейки, играют на гусях и балалайках, рядом проходит кулачный бой, и рэп-баттл, созданный на основе былины об Илье-Муромце, всюду ходят китайские туристы, радостно всё это снимают на камеры, покупают сувениры, едят и пьют. Тут же ходит и Лиза, одетая как незамужняя крестьянка.

ЛИЗА (снимает на телефон). Привет! Ну вот и я стример. Веду прямой эфир. Раньше надо было, конечно, начинать. Но пока нам гаджеты не запретили, смотрите. Вы – в Твери! Хэштэг сказочнаятверь. Да, тут сказочно. И энергия такая разлита... не знаю, как передать, ну, короче, тут какой-то Вудсток, только русский средневековый. Просто приезжайте к нам в Тверь и сами почувствуйте. Вон там мой брат Никита пляшет, смотрите, что-то он там выкрикивает – настоящий скоморох. А давайте заглянем в избу.

Лиза с телефоном заглядывает в русскую избу. Там в темноте сидит девушка в русской одежде возле деревянной прялки. Горит лучина.

Эй, кто тут?

ИВАНОВА. Я тут. Иванова.

ЛИЗА. А чё в темноте сидишь?

ИВАНОВА. Сказали – надо аутентично. При лучине.

ЛИЗА. Ты прясть-то умеешь?

ИВАНОВА. Неа.

ЛИЗА. Учись давай. (выходит из избы) А мы с вами продолжим наслаждаться масленицей. Тверь активно развивает внутренний туризм, благодаря притоку туристов у нас активно идёт строительство новых гостиниц – деревянных, конечно, и всё это благодаря кому? Игнату Первакову! По секрету скажу – моему жениху. А вот и он.

Игнат не видит Лизу, он в костюме русского боярина, выходит из саней, подаёт руку Маше – Маша тоже одета как боярыня. К ним кидаются бутафорские нищие, Игнат раздает им деньги из бархатного мешочка.

А кто это с Игнатом? А! Так это же девушка, которая смотрит на нас с каждого биллборда. Кажется, Игнат говорил, её зовут Маша. Маша – лицо нашего проекта «Верь в Тверь».

Игнат делает знак рукой и из толпы появляется юродивый – это Бомж. Он бос и почти наг. По сигналу Игната Бомжа подхватывают, одевают в царский халат, сапоги и шапку, отделанную норкой, сажают на трон и носят по ярмарке на руках. Китайцы в восторге.

ЛИЗА. А вот и провозглашение масленичного царя, настоящий карнавал! Сейчас возьмем интервью у нашего Игната, хотите? Хотите, конечно, когда вы ещё средневекового боярина разговорите. Нам только через толпу обратиться. Айм сорри! Нихао! Нихао!

Лиза пробирается ближе и ближе к Игнату. Но Игнат в это время, не видя Лизы, прилюдно обнимает и целует Машу и несет её на руках в сани, сани уезжают. Скоморохи танцуют, Никита дудит в жалейку.

9.

Баня Спиридонова, Валерий и Андрей вдвоём в парилке.

ВАЛЕРИЙ. Замечательная баня.

АНДРЕЙ. Да, неплохая. Я умею.

ВАЛЕРИЙ. Наверное вам, Андрей, теперь много заказов на бани поступает?

АНДРЕЙ. Началось, да. Бани, избы, терема.

ВАЛЕРИЙ. Ну если бы только архитектурой ограничились, оно бы ничего.

АНДРЕЙ. Ну тоже, знаете... Всё производство выстроено под панельки, а тут – срубы, дерево. Колоссальные убытки. Они же приостановили всё строительство на неопределенное время. Им подавай эти терема, а у меня всё встало, капец. Они меня разоряют.

ВАЛЕРИЙ. Как вы думаете, сколько это продлится?

АНДРЕЙ. Хрен знает, это вы спросите вашего внука. А он пусть Игнатика нашего спросит. Кто бы мог подумать – пять лет он тут отирался, в бане парился, ел-пил, и вдруг – новый вождь. Лизка не ест неделю, переживает. Он же её бросил, по ходу.

ВАЛЕРИЙ. Да что вы говорите?

АНДРЕЙ. Ну и слава богу, я считаю. Веничком вас попарить, Валерий Иванович?

ВАЛЕРИЙ. Да, немного, так, обозначить. Сердце уже не то.

АНДРЕЙ. Да, погоняю воздух немножко, ложитесь.

ВАЛЕРИЙ. Вы, наверное, удивились, Андрей, что я вам позвонил?

АНДРЕЙ. Ну я обрадовался – знаменитый тверской наш журналист Валерий Иванович Остроумов, к тому же Лёшкин дедушка. Лёшку вашего я же давно знаю, они с Лизкой дружат сто лет.

ВАЛЕРИЙ. Да, Лёша часто про Лизу вспоминает... Так вот, меня привело к вам слово.

АНДРЕЙ. Слово?

ВАЛЕРИЙ. Слово. Начну издалека. Родился я в Инте, это лагерь. Папа мой сидел при Сталине по пятьдесят восьмой статье – ну вы знаете эту статью?

АНДРЕЙ. Политический.

ВАЛЕРИЙ. Папа служил бухгалтером в Латвии, и видел совместный парад, когда наши заняли Латвию, он видел немцев и наших на этом параде. И

написал в дневнике: «Немцы шли как машина, победить их будет очень трудно» - так он написал, это увидел сосед по комнате, залез в тумбочку. И донёс. Ну и папа попал в лагерь. И только в шестьдесят восьмом его реабилитировали. Так что папа меня приучил очень внимательно относиться к словам, крайне внимательно. Ох, уже отпустите меня, напарился я, благодарю. Давайте и я вас веничком.

АНДРЕЙ. Пожалуйста, веничек.

ВАЛЕРИЙ. В общем, слово, а уж если напечатанное слово – тем более, для меня много значит. И тут я покупаю новую газету в ларьке. Вы читали?

АНДРЕЙ. Новая газета?

ВАЛЕРИЙ. Вот, я принёс, глядите - «Древнерусская правда». Там, слава богу, без ятей и ижиц, но всё равно газета странная. Если не сказать больше.

АНДРЕЙ. И что там, расскажите.

ВАЛЕРИЙ. Сначала забавно – описывают свадебный обряд семнадцатого века, крестьянский. Ну там всё мило довольно. Невесту в дверях встречает сваха в шубе навыворот шубе и старается напугать, чтобы невеста была боязлива и почтительна. Отец или мать бросают новобрачным в лицо соль, чтобы предохранить от раздора, или отец бьёт по спине новобрачной три раза плетью, чтобы она забыла прежних женихов и любила одного мужа. Наказание свата и сватьи в конце свадьбы: возят в корыте и сбрасывают в канаву. В таком духе. И газета как бы призывает вернуть эти обряды, припасть к корням. Это ладно. Свадьба в средневековом стиле, почему нет. Дальше они взялись за медицину. Большая статья о вреде химических лекарств, о том, что стресс сокращает жизнь, и даны рецепты самолечения, в стиле: сибирскую язву следует очертить выпавшим из сухой сосны сучком, рожу лечат прикладывая к больному месту красного сукна.

АНДРЕЙ. Ну кто в эти сказки поверит – сколько там они жили в семнадцатом веке – тридцать-сорок лет в среднем?

ВАЛЕРИЙ. Этот факт «Древнерусская правда» опустила. Далее они коснулись вопросов моды – что замужние женщины должны ходить с покрытой головой. И что у нас открывается пять новых центров ремёсел, где девочек будут учить шить сарафаны и вышивать, а мальчиков играть на древних музыкальных инструментах.

АНДРЕЙ. Они не сказали, что бюджет в Политехе сократили?

ВАЛЕРИЙ. Да вы что?

АНДРЕЙ. Да, два факультета вообще закрывают, а остальным в два раза финансирование режут. Всё бабло – на туризм!

ВАЛЕРИЙ. Это что вообще происходит, а? Коперник крутится в гробу!

АНДРЕЙ. Вокруг солнца. А Менделеев свернул таблицу трубочкой и закурил.

ВАЛЕРИЙ. Это всё вообще не смешно, не смешно, не смешно!

АНДРЕЙ. Ой, полегче, Валерий Иванович, у меня синяки останутся.

ВАЛЕРИЙ. Простите, Андрей. Это бессильная ярость. Извините, ради бога.

АНДРЕЙ. Давайте уже квас пить.

ВАЛЕРИЙ. Так вот почему я к вам пришёл, Андрей. Мы с вами должны делать газету о научно-техническом прогрессе. Назовём её, к примеру, «Вестник Теслы» или «Бином Ньютона». Или «Правда Перельмана».

АНДРЕЙ. Подумают, что для евреев.

ВАЛЕРИЙ. Хорошо, тогда просто «Ломоносов». И там мы будем защищать цивилизацию, науку, электричество...

АНДРЕЙ. Думаете, и до электричества доберутся?

ВАЛЕРИЙ. Уверен – если всё зайдёт слишком далеко, то сидеть нам с вами при лучине. Так вот, нужны деньги. Ваши деньги на газету о прогрессе.

Которая будет, конечно, оппозиционной, может быть, её даже будут преследовать.

АНДРЕЙ (*рассматривая газету*). А не дешевле будет для начала поговорить с Лёшей?

ВАЛЕРИЙ. С Лёшей?

АНДРЕЙ. С вашим внуком. Ведь это же он главный редактор.

ВАЛЕРИЙ. Лёша?

АНДРЕЙ. Ну да – Алексей Остроумов, тут написано, посмотрите. Я слышал, он там теперь медиа-магнат – за всю идеологию отвечает, что-то вроде Геббельса.

ВАЛЕРИЙ. Что вы говорите такое.

АНДРЕЙ. Давайте так, Валерий Иванович. Пока нам вместе с электричеством, медициной и образованием не отрубили фейсбук, мы будем публиковать наш «Вестник прогресса» там. Я заведу площадку, Лизу попрошу. А контент будете давать вы – назначаю вас главным редактором. Окей? Будете писать? Тряхнёте стариной?

ВАЛЕРИЙ. Это они трясут стариной средневековой. А я за новизну.

АНДРЕЙ. Тогда трясите новизной. По рукам.

10.

Кабинет Лёши в городской администрации – всюду приметы древнерусского духа, репродукции картин Рябушкина. За столом возле блюда с калачами в русской рубахе сидит Лёша и читает сборник русских пословиц, рядом на диване в одежде русского царя лежит Бомж. Входит Лиза. Увидя её, Бомж вскакивает с дивана.

БОМЖ. Обнажена моя душа пред вами:

Вы видели, что я приемлю власть

Великую со страхом и смиреньем.

Сколь тяжела обязанность моя!

ЛИЗА. Кто это?

ЛЁША. О, Лиз, привет! Проходи, садись. Это царь. Борис Годунов, видимо, судя по тексту. (*Бомжу*) Игорь Олегович, вы ступайте к себе. В палаты.

Уходя, Бомж роняет шапку.

БОМЖ. Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

ЛЁША. Не по Сеньке шапка.

БОМЖ. Нельзя земле русской без государя.

ЛИЗА. Чем вы тут вообще занимаетесь?

ЛЁША. Угощайся, Лиз. Свежие калачи, мёд. Это я прочитал пословицу: счастливый как калач в меду. Вот, решил начать с калачей.

ЛИЗА (*берет калач*). Спасибо.

ЛЁША. Хлеб батюшка, водица матушка. Хлеб в пути не тягость. Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою. Не земля хлеб родит, а небо. И пёс перед хлебом смиряется. И худой живот, да хлеб жуёт.

ЛИЗА (*кладет калач обратно*). Может, хватит?

ЛЁША. Да, Лиз, ну ты чего, это же прикольно. Надо всего Дэвида Боуи на русский перевести. (*Напевает*)

Мы станем героями, пусть на денёк,

Я, я буду князь,

А ты, ты будешь княгиня...

ЛИЗА. Ну хватит песню коверкать.

ЛЁША. Как не понимаешь. Вот люди жили в будущее, но оно такое далекое, смутное. А можно жить в прошлое, гораздо проще. И дешевле. *(показывает на репродукцию)* Вот, посмотри – картина Рябушкина “Московская улица семнадцатого века в праздничный день”. Это что значит? Что не надо тратиться на плитку, асфальт, вообще, на коммуналку не надо. Ради идеи они готовы месить грязь. И молодёжи этот квест нравится. Да, нравится! Ты посмотри сюда.

Лёша включает видео. На нём электронная музыка с вкраплением гуслей, жалейки и балалайки, Никита на фоне саней читает рэп.

НИКИТА. Расплакался млад юноша

Иосафий-царевич,

Пред пустынею стоя:

«Прекрасная пустыне!

Восприми меня, пустыня,

С премногими грехами,

Со многозорными делами,

Яко мать свое чадо,

На белые руци!

Научи меня, пустыня,

Волю Божию творити,

Яко мать своего сына,

Все на добрые дела!

Избавь меня, пустыня,

Огня, вечныя муки!

ЛИЗА. Что это он читает? Ты заставил его?

ЛЁША. Лиз, ну ты чё, заставил, он сам принес видео, мы хотим в эфир ставить. Стихи, между прочим, старинные духовные.

ЛИЗА. Ему ЕГЭ сдавать, папа хочет, чтобы он в Политех поступал. А вместо этого...

ЛЁША. Хочешь, я договорюсь и Никитос поступит?

ЛИЗА. В смысле?

ЛЁША. Я серьёзно. Знаешь поговорку “Сила закон ломит”?

ЛИЗА. Не знаю.

ЛЁША. Поедем, покажу тебе терем.

ЛИЗА. Какой терем, Лёш? Дурдом.

ЛЁША. В тереме высоко, а до Москвы далёко. Строю. Для своей семьи.

ЛИЗА. У тебя семья?

ЛЁША. Будет. Хорошая жена да жирные щи – другого добра не ищи.

ЛИЗА. Ну хватит уже!

ЛЁША. Вот, как раз хотел сказать тебе...

ЛИЗА *(перебивает)*. Я вообще-то тоже хотела поговорить...

ЛЁША. Там и поговорим, возле терема.

ЛИЗА. Я вообще-то зашла к Игнату.

ЛЁША. А, ну он часто на выезде.

ЛИЗА. Что с ним?

ЛЁША. С Игнатом? Да нормально всё.

ЛИЗА. Нормально, да?

ЛЁША. Ну да.

ЛИЗА. Понятно.

ЛЁША. Лиз! Подожди.

ЛИЗА. Мы, типа, друзья, Лёш, или как?
ЛЁША. Ну а что он сказал тебе?
ЛИЗА. Что двадцать первый век меня испортил.
ЛЁША. Так и сказал?
ЛИЗА. Ну да.
ЛЁША. Дебил. Ну и что ты? Расстроилась?
ЛИЗА. Ну да.
ЛЁША. Лиз, пойми, он историк. От прошлого тащится. Да забей!
ЛИЗА. Что значит “забей”?
ЛЁША. Теперь вы живёте в разных веках.
ЛИЗА. А ты-то где живёшь, Лёш?
ЛЁША. Я хочу жить там, где ты.
ЛИЗА. Да? Ну тогда добро пожаловать в двадцать первый век.
ЛЁША. Да, но... в двадцать первом я сидел дома и постил мемасики, а тут я, типа, селебрити, к нам федеральные журналисты приезжают, интервью у меня берут, нас по первому каналу показали, говорят, Эрнст плакал даже. От умиления. Мне теперь в фейсбук пишут поклонницы. Представляешь?
ЛИЗА. Поклонницы?
ЛЁША. Просто лавина какая-то. Как будто я рок-звезда. Ну всем говорю: стопэ-стопэ, у меня зазноба.
ЛИЗА. Зазноба?
ЛЁША. Ты его скоро забудешь. Игната.
ЛИЗА. Вы чё-то вообще заигрались, парни.

Лиза уходит, но в дверях сталкивается с Игнатом.

ЛИЗА. Игнат, не могу дозвониться до тебя.
ИГНАТ. О, Лизавета, доброго здравия! Каково поживаешь?
ЛИЗА. Может, поговорим?
ИГНАТ. Изволь.
ЛИЗА. Прямо здесь?
ИГНАТ. У меня вече через пятнадцать минут.
ЛИЗА. Что у тебя?
ИГНАТ. Собрание.
ЛИЗА. Ты пьяный?
ИГНАТ. Медовухи-шмедовухи разные дегустировали для ярмарки. По усам текло, в рот попало.
ЛИЗА. Говори нормально уже, устроили клоунаду.
ИГНАТ. Да, Лиз, каждый день поезда. Всё же завертелось, сплю по три часа.
Лёх, дизайнеры приходили с кокошниками?
ЛЁША. Вот, оставили.

Игнат примеряет кокошники.

ИГНАТ. Ты не представляешь, Лиз, уровень ответственности. А работать не хотят, всё через... Знаешь, прочитал как-то в одной книжке по культуре древней Руси, что слово “кал” выражает впечатления чёрного цвета.
ЛИЗА. А я замуж выхожу.
ИГНАТ. Ты?
ЛИЗА. Ну да, за Лёшу. Мы будем жить в тереме. Да, Лёш?
ЛЁША. А, ну да.
ЛИЗА. Поздравь меня. Мы ребёнка ждём.
ИГНАТ. Вы же не венчанные.

ЛИЗА. Ну вот так, согрели.

ЛЁША. От запада до востока нет человека без порока.

ИГНАТ. Мне кажется, это всё неправильно. Ты не подходишь ему, Лиз, посмотрим правде в глаза.

ЛИЗА. Ты лучше **мне** в глаза посмотри.

ИГНАТ. Ты испорчена феминизмом, ты не вписываешься. Лёхе надо древнерусскую жену, чтобы она дома сидела, детей рожала, слушала его.

ЛЁША. Нет, мне надо именно такую.

ЛИЗА. Он не хочет древнерусскую. Ему поновее подавай.

ИГНАТ. А ты споришь, всё время споришь. Тебе дома не сидится!

ЛЁША. Это нормально: муж в дверь, жена в Тверь.

ИГНАТ. Ну это странно, Лёх! Мы говорили с тобой вчера, и ты описывал, как это всё эротично, когда покорность, когда молодая девственница-шмевственница, как это правильно...

ЛЁША. Это ты описывал, а не я.

ЛИЗА. Ну так что, придёшь на нашу свадьбу?

ИГНАТ. Ну, раз так... Давайте тогда свадьбу нормально сделаем, по всем обрядам. Первый канал приедет снимать. Мы на такое мероприятие дополнительные поезда с китайцами закажем.

ЛИЗА. В смысле?

ИГНАТ. Ну, для города будет полезно. Ты же патриотка.

ЛИЗА. Нет, китайцы сначала должны увидеть твою свадьбу с этой сисястой. Кстати, вряд ли она девственница.

ЛЁША. Кстати, хорошая идея, Игнат. Реалити-шоу "Средневековая свадьба". Ты и мисс Русь. А потом второй день, она уже миссис. Вообще, свадьбы – они же могут всю неделю идти, это ж сколько поездов мы примем!

ЛИЗА. Я буду вести прямой эфир на ютубе. А Лёша будет комментировать для федералов, как футбол комментируют.

ЛЁША. Твоя воля – моя доля.

ИГНАТ. Всё, мне работать пора.

Игнат уходит.

ЛЁША. Лиз, ты это серьёзно?

ЛИЗА. Мне работать пора.

Лиза уходит.

11.

Баня у Спиридоновых, вся семья парится: Андрей, Никита с Лизой и примкнувшая к ним Елена, их мать и жена.

АНДРЕЙ. Как хорошо стало – фейсбук закрыли.

ЕЛЕНА. Скоро по всей стране интернет закроют.

НИКИТА. Чё правда?

АНДРЕЙ. Да, уже в этом году. Инициатива, кстати, тверская.

ЕЛЕНА. Ну и хорошо. Зато все с семьями. Как мы с вами. Хорошо, да? Мы все собрались! Семьёй!

НИКИТА. Да, мам, топчик.

ЛИЗА. Давно ли ты семью вспомнила?

АНДРЕЙ. Лиза! Мама просто съездила поработать. И вернулась.

ЛИЗА. Вот как ты заговорил, да, пап? А что пил и грустил, это не считается?

АНДРЕЙ. Лиза! Мы тут собрались всей семьёй... Мама вернулась.

ЕЛЕНА. Доча, понимаю твои чувства...

ЛИЗА. Ещё скажи, что ты слышишь меня.

ЕЛЕНА. Слышу тебя...

ЛИЗА. Ну хватит, тут все взрослые люди. Скажи честно: деньги кончились, возраст наступает, любовник бросил, и вот вернулась под наше тёплое крыло.

АНДРЕЙ. Прекрати! Помолчи уже немного! Это наши с мамой дела, тебя не касается.

ЕЛЕНА. А вернулась я ещё и потому, что Тверь теперь центр страны. Да, Никитка? Так соскучилась по тебе, сынок.

НИКИТА. Я тож, мам!

ЕЛЕНА. Раньше центром страны была Москва, поэтому я туда поехала. Тем более, это был путь духовного поиска, необходимый путь. Но на последней випассане я поняла – Тверь. Центр сместился. Говорю сейчас о таких довольно тонких вещах, может быть, не совсем понятных...

ЛИЗА. Где уж нам понять тонкие вещи...

ЕЛЕНА. Но это спутилось на меня как правда. Инсайт, да, это был инсайт. Всё-таки столько лет йогу практикую, сенситивность увеличилась.

НИКИТА. Что увеличилось?

ЕЛЕНА. Сенситивность, сынок. Чувствительность. Что до обычных людей доходит медленно и долго, и вообще может не дойти, до меня просто сразу, как молния.

НИКИТА. Прикольно.

ЛИЗА. Эх, папа-папа...

АНДРЕЙ. Что, “эх, папа”? Она не просто моя жена, она ваша мать.

ЕЛЕНА. Не нервничай, Андрюш, всё хорошо. Я понимаю Лизу. Всё будет хорошо. Так вот, попытаюсь сказать другим языком. Тверь – это будущее нашей страны. Вон сколько маленьких городов тоже вернулись к корням. Но мы были первые. А те, кто первые, те снимают сливки. Сколько этапов я прошла в своём поиске, очаровывалась-разочаровывалась, ну вы знаете. В девяностые годы мы с папой стали заниматься ремонтами, потом это переросло в строительство, теперь вот папа крупный бизнесмен. А я искала себя и в торговле, и в индустрии красоты...

АНДРЕЙ. Да, на салон красоты куча денег ушла...

ЕЛЕНА. И вот нашла себя в йоге. Только **что** хочу сказать: многие лишние вещи пришли к нам в страну из девяностых. И йога – тоже. Да, горько принять это. И сейчас мне трудно говорить. Но йога – это импортированная химера. Да. Это идеологический займ. На самом деле нет пророков в их отечествах, я теперь в этом уверена. А в нашем отечестве есть. И поэтому тут теперь столько иностранных журналистов – им интересно.

ЛИЗА. Завтра забудут – подумаешь, забава.

ЕЛЕНА. Нет, Лиза. Это не забава. Это алгоритм. Наш русский алгоритм. Я это чувствую кожей. Все были без ума от глобализации и шумели о плоском мире без границ, а мы внятно напомнили о том, что суверенитет имеет значение.

НИКИТА. А что такое суверенитет, мам?

ЕЛЕНА. Это про нашу Тверь, сынок, слово. Суверенитет – это то, что у нас сейчас. И с интернетом ситуация та же. Когда на каждом углу восхваляли интернет как неприкосновенное пространство ничем не ограниченной свободы, где всем якобы можно всё и где все якобы равны. То что произошло? Именно из Твери прозвучал отрезвляющий вопрос к

одураченному человечеству: «А кто мы в мировой паутине – пауки или мухи?»

НИКИТА. И кто?

ЛИЗА (*Елене*). А без паутины мы кто?

АНДРЕЙ. Лен, ты случайно тоже в мэры не метишь?

ЕЛЕНА. Ой, Андрюш, я что-то да, увлеклась, извини. Нет, не мечу. У меня другая цель – служить родине маленькими делами. Для начала мы откроем комплекс русских бань со спа-процедурами. Конечно, русскими: гречка, мёд, травки наши русские.

ЛИЗА. Узнаю маму.

АНДРЕЙ. Какие бани, Лен?

ЕЛЕНА. Андрюша, верь мне: я чувствую. У меня повышенная сенситивность, звериная, прямо. И я тебе говорю: нужно открыть сеть бань. Где будут париться эти китайские туристы, и русские, конечно. И постепенно все дома по сути станут банями. Это же так естественно в нашем климате. И работать все станут в банях, и учиться грамоте. Бани-детские сады, бани-парикмахерские. Там, кстати, можно рубить бороды топорами, как на Руси всегда и делали. И, кстати, рожали тоже в банях, то есть, бани-роддома, бани-больницы и так далее. Да из Речного тоже баню надо сделать.

АНДРЕЙ. Лен, ты чё?

ЕЛЕНА. А что? Речной вокзал рухнул, всё, его нет. Так пусть будет гигантская баня на этом месте. Туристы приплыли – сразу в баню. И это символ города.

АНДРЕЙ. Пойду квасу попью.

ЕЛЕНА. Андрюша, стой! Вот именно потому, что ты уходишь от ответа, прячешь голову в песок, я и уехала.

АНДРЕЙ. Ну хорошо, хорошо.

ЕЛЕНА. Мы сидим, все вместе сидим, мы семья.

НИКИТА. Жена да муж змея да уж.

АНДРЕЙ. Никитос, ты бы кончал поговорки читать, а лучше взял бы учебник по физике.

НИКИТА. А ю киддинг, дэд? Зачем мне физика в наше время? Я и так неплохо зарабатываю. Гусли кормят. Ну и китайский начал учить. Мне со всей страны девушки в личку пишут. Как реалити-шоу началось, так, короче, лавина в личку.

ЛИЗА. Никит, а если заплатят, палачом устроишься?

НИКИТА. А сколько заплатят?

ЕЛЕНА. Так что, Андрюш? Давай завоюем мир.

АНДРЕЙ. Хватит! Хватит! Вы тут с ума все сошли! Пойду квасу попью.

Андрей уходит.

ЕЛЕНА. Лиза, зачем ты рассказала папе про мою личную жизнь?

НИКИТА. Мам, чё правда? В твоём возрасте?

ЛИЗА. Это про любовника что ли? Что он тебя бросил?

ЕЛЕНА. Он меня не бросал. Мы расстались. А ты проецируешь.

ЛИЗА. Что я проецирую?

ЕЛЕНА. Тебя саму Игнат бросил. Вот ты и бесишься.

НИКИТА. Схожу за попкорном.

Никита уходит.

ЛИЗА. Ты папины деньги тратила на этого своего жиголо.

ЕЛЕНА. Антон не жиголо. Он искал себя в бизнесе, я помогала. И давай завидууй молча.

ЛИЗА. Завидовать?

ЕЛЕНА. Ну да, молодой красивый мужик, любил меня безумно, на руках носил. У тебя такого не было никогда.

ЛИЗА. Надеюсь, и не будет.

ЕЛЕНА. Ты холодная, эгоистичная. А я людям помогаю. Я Антону помогала.

ЛИЗА. Особенно когда купила ему Инфинити.

ЕЛЕНА. Наверное, ты даже не понимаешь, в чём подвиг декабристок. Положить свою жизнь к ногам мужчины.

ЛИЗА. Ну и куда он делся-то? Тоже в Сибирь на каторгу сослали? За мошенничество? Так езжай за ним.

ЕЛЕНА. Жалко, что всё тебе рассказывала. Думала, мы подруги.

ЛИЗА. Я думала, ты моя мать.

ЕЛЕНА. Ну хватит! Ты пинаешь человека, который приполз раненый!

ЛИЗА. А ты не спросила, как вообще я? Как я тут? Может, мне нужна мать?

ЕЛЕНА. Он уехал в Европу. Хочу, говорит, жить в свободной стране. Они многие уезжают. И я считаю, пусть, нам это всё не нужно, всё это предательство. Мы сами по себе. Надо вообще закрыть границы – раз уехал и всё, уже нельзя вернуться. А мы семья. Я буду готовить еду. Папа построит русскую печь. Знаешь, как вкусно, когда пироги из печки? Да и любой суп. Он там томится, томится. Ну что ты, Лиз? Всё будет хорошо, мы в центре страны! На нас весь мир смотрит! Выпрями спину, живот втяни.

12

Видеоблог. Аня в городском саду.

АНЯ. Привет! Это я, Аня Тверская, и мой видеоблог! Жмите на колокольчик, ставьте пальцы вверх, и тогда вы не пропустите всё самое важное из Твери – в том числе выступление моего знаменитого хора “Патриотка”, которое вы увидите прямо сейчас! На мне япанча от нашего тверского бренда “Русь”, все ссылки оставляю в описании, кстати, у них сейчас акция – тридцать процентов скидки для зрителей моего блога по промокоду “Патриотка”. Переходите по ссылке, покупайте. И, кстати, в прошлый раз вы спрашивали про гадалку на куриных костях, это моя мама, и она тоже сделает вам скидку, ссылка прямо под этим видео. Слава богу, мне теперь не надо ходить на работу, лицей закрыли, и я могу каждый день показывать вам всё самое интересное из Твери, в том числе – внимание! – бэкстейдж знаменитого реалити-шоу “Верь в Тверь”, которое стали делать у нас! Я даже могу брать интервью у звёзд реалити-шоу, пишите в комментариях, с кем бы вы хотели, чтобы я поговорила. И вот первая звезда – Никита! Наш сияющий скоморох!

В кадре появляется Никита – он загримирован и наряжен для съёмок.

Привет, Никита!

НИКИТА. Здравствуйте, Анна Владимировна! Нихао!

АНЯ. Расскажи, что сейчас будет происходить?

НИКИТА. Сейчас мы увидим свадьбу. Это древнерусский обряд, описанный ещё в Домострое. Такая, типа, книга была, старая. И мы увидим его в сопровождении моего ансамбля скоморохов. Мы, кстати, будем через

полгода гастролировать по всем крупным городам нашей страны, так что узнавайте, покупайте билеты, типа, мы везём мерч и всё такое. Ну и вы же тоже поедете, Анна Владимировна?

АНЯ. Да, это будут наши совместные гастроли – скоморохи Никиты и мой хор “Патриотка”, который исполняет настоящие народные песни. О нём я уже рассказала немного в предыдущем выпуске, и снова будут рассказывать, и, кстати, покажу вам нашу репетицию. Это анонс. А скажи, Никита, сколько ты зарабатываешь?

НИКИТА. Ну, по-разному, сейчас очень много предложений. Нормас. Кстати, на следующий выпуск моего блога сделаем тест-драйв лошадей, так что не пропустите, это будет топчик.

АНЯ. Ссылку оставляю в описании, но вы и так все смотрите влог Никиты, конечно.

НИКИТА. Мне, типа, пора, уже начало.

АНЯ. Пока, Никита! А сейчас смотрим мой хор “Патриотка!”

Операторы снимают, зрители снимают, скоморохи играют и танцуют.

ХОР. Во белые-то белила да набелилась, набелилась,
Она во алые румянцы да румянилась, румянилась,
Среди-то полу дубового да становилась, становилась,
Она всем князьям-боярам-то да поклонилась, поклонялась,
Молодому-то ведь князю да всех пониже, всех пониже..
— Уж вы кушайте, гости, да не сидите, не сидите,
Уж вы рушайте гуся, да не студите, не студите,
Еще нашей-то княгини да не стыдите, не стыдите,
Еще нашей-то первображной да не соромьте, не соромьте.
Еще наша-то княгина да нестыжена, нестыжена.
Еще наша-то первображна нестрамлена, нестрамлека.
Э-э не пора ли тебе, княгинушка, да воротиться, воротиться?
Не пора ли тебе, Ивановна, да во задоски, во задоски?
По тебе стары-ти старухи да прихрапелись, прихрапелись.
По тебе молоды молодки да прижалились, прижалились.
По тебе красны-те девки да приревелись, приревелись.

Начинается свадебный обряд, который снимают операторы реалити-шоу, туристы, блогеры – все подряд. На лошадях приезжает телега с новобрачными – это бородатый Игнат и Маша. Они выходят – им стелят под ноги ковры, когда они проходят по ним, то ковры собирают и снова стелят впереди Игната и Маши.

АНЯ. Молодые приехали с венчания. Это моя племянница Маша, между прочим. Мы всегда знали, что её ждёт блестящее будущее. На самом деле они не венчались, так что, девочки, Игнат как бы официально свободен. Обряд они для туристов повторяют уже пятый раз.

Кидают им под ноги шкурки соболей, осыпают хмелем. Встречают их с караваем. Роли родственников молодых играют Министр, Нэля и Елена.

АНЯ. Смотрите, какая прекрасная боярыня Нэля Ларионовна у нас! Расцвела! Но самый прекрасный – это как всегда Игнат. Кто фанатеет от Игната ставьте плюстик в комменты. Кому нравится его борода – два плюсика.

На троне сидит Бомж в роли царя. Молодые подходят ему поклониться.

АНЯ. Вот сейчас их благословит наш царь. Я уже пятый раз смотрю, он каждый раз говорит разный текст.

БОМЖ. О Боян, соловей старого времени!

Как бы воспел ты битвы сии,

Скача соловьем по мысленну древу,

Взлетая умом под облаки,

Свивая все славы сего времени,

Рыща тропую Трояновой чрез поля на горы!

АНЯ. “Слово о полку Игореве”? При чём тут это, вообще?

Игнат и Маша заходят в стеклянный домик с прозрачными стенами – посреди стоит кровать.

АНЯ. Так, уединились в покоях.

УЧАСТНИК ОБРЯДА (громко). Дай Господи вам в добром здоровье опочивать!

Участники обряда заходят вместе с Игнатом и Машей, помогают им снять верхнюю одежду, усаживают на кровать. Участники обряда задерживают шторы и выходят из домика. Идут к родственникам молодых.

УЧАСТНИК ОБРЯДА (громко). Бог сподобил: дети ваши после венчанья легли почивать поздорову, и вот улаждаются!

АНЯ. Кстати, реалити-шоу объявило кастинг на роль новой жены Игната, так что, девчонки, редкий шанс. Я, например, попробую.

13.

Игнат и Маша сидят в домике на кровати, Маша курит и листает телефон.

ИГНАТ. Не кури.

МАША. Отстань.

ИГНАТ. Не кури, будущая мать моих детей.

МАША. Угу. Ты не муж.

ИГНАТ. Как это не муж – уже пятая свадьба у нас.

МАША. А в загс не ходили.

ИГНАТ. Всё, я поставлю ребром вопрос. Так тоже невозможно на износ. Блин, рэп получился. Короче, я не подписывался актером работать. Как так вышло... Ну поцелуй меня.

МАША. Отстань.

ИГНАТ. Ты так хорошо это делаешь. Иди ко мне.

МАША. Не хочу.

ИГНАТ. Точно я у тебя второй?

МАША. Сказала же.

ИГНАТ. Просто так хорошо это делаешь.

МАША. Ну отстань.

ИГНАТ. Такая холодная. Не любишь что ли? Маш! Да убери телефон, нам запретили.

МАША. Да пофиг.

ИГНАТ. Давай лучше помечтаем, как будем жить в тереме, как у нас рождаются дети, пусть будет три мальчика и две девочки, хочешь?

МАША. Нет.

ИГНАТ. А как хочешь? Ну хорошо: тогда три девочки и два мальчика. Так лучше?

МАША. Нет.

ИГНАТ. Ну что "нет"? Что? Ну пусть все девочки будут. Или все мальчики. Как ты хочешь-то?

МАША. У тебя грабли холодные.

ИГНАТ. Сколько там осталось?

МАША (*смотрит на часы в телефоне*). Пять минут ещё.

ИГНАТ. Слушай, ну я тоже устал. Сдуру этот контракт подписал. Думал, медийность, всё для родного города, всё для дела. А теперь тут как клоун. А от тебя никакого тепла. Могла бы, знаешь, как-то поддержать своего мужчину.

МАША. А мне нравится.

ИГНАТ. Что нравится? Я?

МАША. Такая работа. Только давай как-то это...

ИГНАТ. Что?

МАША. Ну... короче, тут ко мне парень прилетел из Москвы на вертолете.

ИГНАТ. Какой парень?

МАША. Ну вообще-то у меня уже полмиллиона подписчиков. Пишут непрерывно.

ИГНАТ. Подожди, а что за парень? Не понял ничё.

МАША. Короче, ну давай просто работать вместе и всё такое. Как друзья.

ИГНАТ. Маш, в смысле?

МАША. Ты такой тетеря.

ИГНАТ. Кто?

МАША. Тетеря. Меня так в детстве мамка звала. Нет стержня в тебе. Вот в президенте нашем есть стержень. Всё, погнали.

Из-под кровати Маша достаёт якобы окровавленную простыню.

14.

Из стеклянного домика выходят участники обряда, они несут "окровавленную" простыню, разворачивают её и показывают туристам. Громкие аплодисменты, вспышки фотоаппаратов.

АНЯ. С каждым разом пятно всё больше и больше. Уходят в сторону хоррора.

УЧАСТНИК ОБРЯДА (*громко*). Велел вам сказать новобрачный Игнат: божием милосердием и вашим родительским пожалованием и сохранением мы, дал Бог, справились, и на том на вашем пожалованье челом бью!

Появляются Игнат и Маша. Им все аплодируют. В этот момент подъезжают какие-то машины, из них выскакивают люди в масках – они разбрасывают листовки и разворачивают транспаранты. "Наука – это хорошо!", "Мы верим в прогресс!", "Да здравствует физика и химия!", "Давайте жить в будущее!", "Ломоносов и Коперник – не преступники!", "Прекратите средневековье!"

АНЯ. Что? Кто эти люди? Террористы?!

Кто-то из туристов испуган, кто-то с удовольствием снимает видео. К людям в масках подбегает древнерусская охрана, отбирает листовки и транспортанты, заламывает им руки, уводят тех, кто не убежал. Туристы аплодируют.

МИНИСТР. Братия! Это атака нашего мира бандой научно-технического прогресса, но мы их победили! (*Громкие аплодисменты*) Сразу вспоминаются строки:

Наше счастье, как май, молодое,
Нашу силу нельзя сокрушить.
Под счастливой советской звездой
Хорошо и работать и жить.
Пусть враги, как голодные волки,
У границ оставляют следы, —
Не видать им красавицы Волги,
И не пить им из Волги воды!

Раздаются громкие аплодисменты и крики восторга.

АНЯ. Интересно, это и правда атака, или это сценаристы реалити-шоу придумали? Помните, как Маша гуляла по саду с Игнатом и у неё порвался сарафан? Помните? Грудь стало видно. Это же сценаристы написали. Подписывайтесь на меня, я расскажу все тайны реалити-шоу “Верь в Тверь”.

ИГНАТ. А где Маша? Эй, народ, где Маша?

АНЯ. Опа! Маша пропала! Сенсация!

Все начинают искать Машу и не находят. Жадный интерес в глазах туристов. Игнат подходит к тем бунтовщикам, которых задержала охрана, и пинает их.

ИГНАТ. Где? Куда дели мою жену? Украли? Украли, говори! (*туристам*) Как вы думаете, что надо делать с теми, кто ворует наших жён? Давайте их накажем! Высечь! Высечь! (*охране*) Что смотрите как тетери?! Это приказ! Высечь их!

Охрана готовится совершить публичную порку.

АНЯ. Ого. Такого у нас ещё не было. Их будут пороть?

БОМЖ. Не надо! Не надо!

ИГНАТ. Отстань. Припухни.

БОМЖ. Не надо!

Игнат толкает Бомжа (в роли царя), и тот падает, снова вскакивает на ноги.

БОМЖ. От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копыя

В поле неизвестном
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костями была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле возшло бедой!
АНЯ. Эпический размах.

15.

Лиза сидит за столиком в вагоне-ресторане скоростного поезда, везущего китайских туристов. К ней подходит Лёша.

ЛИЗА. Лёша?

ЛЁША. Привет.

ЛИЗА. Что ты здесь делаешь?

ЛЁША. А ты?

ЛИЗА. А что?

ЛЁША. Да так.

ЛИЗА. Просто.

ЛЁША. И я.

ЛИЗА. Ну да.

ЛЁША. Хочешь есть?

ЛИЗА. Спасибо.

ЛЁША. Да, ладно, Лиз. Это я тебе тут назначил.

ЛИЗА. В смысле?

ЛЁША. «Ломоносов и Коперник не преступники!», «Мы верим в прогресс!»

ЛИЗА. Ты про что?

ЛЁША. Ну-ну. Покер-фейс. Такая ты крутая, настоящий герой. We can be heroes just for one day. Я, кстати, соскучился очень.

ЛИЗА. Лёш, что происходит?

ЛЁША. Лиз, я знаю, что ты находишься в движении сопротивления, в так называемой банде научно-технического прогресса. Даже не надо отпираться, я просто знаю.

ЛИЗА. Во-первых, нет... И что? Донесёшь? Меня выпорят прилюдно.

ЛЁША. Ты тоже можешь на меня донести. Потому что эту банду организовал я. I, I will be king, you, you will be queen.

ЛИЗА. Лёш, ты пьяный?

ЛЁША. Нет, трезвый. Лиз, ну давай все пароли-явки скажу. Ну вот, допустим, последние акции – уничтожен тираж «Древнерусской правды» и распространены листовки с призывом вернуться к прививкам и высшему образованию. Или разгром монтажной нашего реалити-шоу. Похищены три камеры и ведро микрофонов. Они их хранили в вёдрах, расписанных под хохлому.

ЛИЗА. И что?

ЛЁША. Ну, смотри, твой таинственный организатор – Сергей Капица. Псевдоним. Так?

ЛИЗА. Вы пытали кого-то? Прослушка?

ЛЁША. Лиз, ты получала записки от меня в караваях и в багажнике вашего старого пикапа, кодовая фраза в мессинжере была «Очевидное - невероятное», деньги тебе выдавали в аптеке на проспекте Калинина, 14. Я же и есть Сергей Капица.

ЛИЗА. Да ладно.

ЛЁША. Ну какой мне смысл врать? Мы едем с тобой в Питер, вдвоём, тебе тут назначена встреча, чтобы получить уже федеральное задание: листовки с призывами открыть границы, вернуть интернет и фейсбук. Ну и так далее. И потом, ты должна была получить инфу по поводу акции «Речной». Мы же должны были его взорвать, эту баню безудержную. Лиз, ну я же тебе эту встречу и назначил. Я твой король.

ЛИЗА. А в чём логика? Ты же главный идеолог все этой этой кампании «Верь в Тверь».

ЛЁША. Просто стало очень противно, а так просто не соскочить. И я всегда хочу быть там, где ты.

ЛИЗА. Не понимаю, Лёш, что происходит.

ЛЁША. Сорок дней сегодня как умер дед.

ЛИЗА. Памятник уже поставил?

ЛЁША. Ты что, рано ещё, через год. Лиз, протест задохнулся. Что бы мы ни делали – даже если взорвём эту грёбаную баню на месте Речного, всё, короче, без толку. Это только увеличивает рейтинги реалити-шоу. Им нужен антагонист – и вот они получают нас – бесплатно.

ЛИЗА. Никита записался в опричники.

ЛЁША. Да, знаю. Шикарная карьера – из скоморохов в опричники.

ЛИЗА. Не из скоморохов – а из интеллигентного подростка, который играл на укулеле.

ЛЁША. У него скоро появится много работы. Они рады, что мы заняли эту нишу – что мы стали их врагом. И теперь с нами можно бороться. В общем, у меня есть инфа секретная: через месяц случится поход Ивана Грозного на Новгород, реконструкция почти, и они, конечно, пройдут через Тверь, и под видом наведения порядка посекут, посадят в тюрьмы, разорят, возможны даже пытки. Чтобы рейтинги увеличить. Телезрителям надоела уже порка, они жаждут хардкора, крови, чтобы было больше насилия, секса – чтобы в сторону «Мир Дикого запада» или «Игра престолов». Шоу показывают уже в тридцати странах, присоединилась аудитория Северной Кореи, там это вообще хит. Короче, они нашу детсадовскую конспирацию не раскрыли по одной простой причине – они не хотят нас ловить. Мы увеличиваем им рейтинги.

ЛИЗА. И куда мы едем? Сдаваться?

ЛЁША. Нет, мы с тобой как Ленин и Крупская на время сбежим за пределы нашей родины, чтобы продолжить наше дело.

ЛИЗА. Ничего себе, ты герой.

ЛЁША. Пришлось стать, чтобы тебе понравится.

ЛИЗА. С чего ты взял, что понравился?

Лёша целует Лизу, Лиза целует Лёшу – это длится. Хор китайских туристов поёт песню «Heroes» by David Bowie

ХОР. I, I wish you could swim
Like the dolphins, like dolphins can swim
Though nothing,
nothing will keep us together
We can beat them, forever and ever
Oh we can be Heroes,
justforoneday

I, I will be king
And you, you will be queen

Though nothing will drive them away
We can be Heroes, just for one day
We can be us, just for one day

KOHEЦ
2019